

Д И М И Т Р И Й П О Л Е

ШКОЛЬНЫЙ ПОЩЕЛУЙ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

СМОЖЕТ ЛИ ОН ВСЁ ИЗМЕНИТЬ
И ОТЫСКАТЬ СВОЁ СЧАСТЬЕ?

Димитрий Поле

Школьный поцелуй сквозь время

«Автор»

2026

Поле Д.

Школьный поцелуй сквозь время / Д. Поле — «Автор», 2026

Интригующая история о любви, времени и выборе. Всеволод Корсак — одинокий программист средних лет в плену обыденности. Всё переворачивается, когда в результате неожиданного поворота судьбы Всеволод оказывается в своём прошлом, вновь становясь старшеклассником. Перед ним открывается возможность изменить свои ошибки и вернуть утраченное счастье. В кульминации любовь становится силой, способной переплести судьбы и повлиять на время. Готовы ли вы последовать за Всеволодом в этот круговорот о втором шансе, который может обернуться как счастьем, так и трагедией?

© Поле Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
День первый	6
День второй	9
День третий	13
Сбитая ступенька	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Димитрий Поле

Школьный поцелуй сквозь время

От автора

Время в этой книге показано фундаментальным героем. Отчасти поэтому, хотя и не только, некоторые слова в тексте написаны в исторической форме: приставка «без» в словах (напр. «безчестный»), а слово мир представлено в двух написаниях в зависимости от смысла: мир (отсутствие войны) и мір (вселенная, общество), что придаёт тексту философскую глубину. Это часть авторской концепции и важная характеристика мировоззрения главного героя.

День первый

Стоя перед окном у себя в квартире, Всеволод дул на свой чай, который упрямо не хотел остывать. В такие минуты ему вспоминалась молодость; воспоминания грели ему душу, хотя и виделись теперь будто кадры из другой жизни. Когда-то, до окончания старшей школы, они с родителями жили в молодом городке Д., раскинувшемся на берегу большого водохранилища, круглый год согреваемого теплом местной энергостанции. И казалось тогда, что впереди только небо и только ветер.

Сегодня Всеволод Сергеевич Корсак вот уже как двадцать лет живет и работает в городе С., типичном миллионнике, областном центре совсем другой области. Мегаполис этот сер, уныл и вечно шумен. Из-за постоянного гула проезжающих машин Сева не любил открывать окна в своей квартире, проветривая лишь с утра да глубоким вечером, когда, как ему казалось, машин становилось меньше. Несмотря на относительную удаленность его района от центральных, несмолкающий галдеж дороги и некоторая суматоха стали неперенными спутниками всего бытия. Всеволод же любил тишину.

С некоторого времени работал Всеволод программистом в одной конторе. Работал на удаленке, на которую его временно перевели после каких-то организационных перестроек. Но нет ничего более постоянного, чем временное. Всё-таки, чем дольше длится положение, тем сильнее кажется, что так и должно быть.

Когда-то у Всеволода Сергеевича была семья. Но они уже много лет не живут вместе. Дети выросли и разъехались. Правда, иногда созваниваются с бывшей женой. Вернее, звонит обычно лишь она, от случая к случаю и по всяким пустякам.

Вот и в этот раз, когда зазвонил телефон, Всеволод почему-то понял, что это именно она. — Сева?

Когда он брал трубку, бывшая всегда спрашивала так, как будто мог взять кто-то еще. Оптимистичный тон ее голоса обыкновенно был звонким: таким голосом хорошо зазывать покупателей. Нынче она звонила затем, чтобы предложить Севе принтер, который отдают их знакомые. Он отказался, по обыкновению, безразлично и угрюмо. Их теннисные разговоры обычно не были длинны. Этот раз не стал исключением. Разговор откровенно иссяк, и Всеволод по обыкновению, не прощаясь, стал класть трубку, уловив на прощание: «Ну ладно, пока...»

Её звонки стали для него как мухи: назойливые и бесполезные. Но к ним он, пожалуй, привык — с ними чувствуешь себя не таким одиноким.

Вернувшись после этого к работе, он поймал себя на мысли, что работа его, по большому счету, тоже бесполезна. Никого не интересуют коды — всем интересен результат, картинка. Для Севы же все его коды стали безсмысленным и незаметным спутником жизни, как шум машин за окном. С тяжелым сердцем он приступил.

Обыденно угрюмое тучное небо сегодня рисовало картину масляными красками, неаккуратно малюя свои мазки, хотя и выбрало лишь оттенки серого. Обе безвольно висящие стрелки часов возвестили, что работа на сегодня кончена. Всеволод Сергеевич откинулся в кресле, отодвинул клавиатуру и, не глядя, выключил компьютер. На сегодня он видеть их больше не мог.

Потрапезничав, Всеволод Сергеевич решил прогуляться: пройтись и проветриться от всего. С неохотой одевшись, он вышел... Темнело рано. На улице стояла глубокая осень, но снега в этом году еще не было. Оттого воздух казался еще злее и морознее, как злитесь старый начальник на запаздывающую сдачу отчёта.

Маршруты его были уже весьма сложены. Либо он ходил вокруг района, либо до небольшого, но шумного от близости дорог городского парка, либо до знакомого магазинчика. К

последнему он решил отправиться и сегодня. Все свои пути Всеволод Сергеевич давно уже выхолостил: он выбирал их как можно дальше от дорог и скопления людей. И тем не менее шум города постоянно давил на уши и на мысли. Но в эту секунду его теплила мысль о любимых пончиках, которые скоро встретят его на своих привычных местах прилавка магазина.

В скорости завиделась и цель его сегодняшнего путешествия. Сева любил этот магазинчик, потому как тот был небольшой, относительно новый и расположен в таком месте, в каком был еще не вполне облюбованный толпой. Последнее обстоятельство нравилось больше всего. Прозвеневший над дверью колокольчик встретил посетителя-программиста радостно.

Было тихо. Всеволод не стал брать корзинку. Магазиновые корзинки обычно вызывали у него ощущение необходимости длительной и утомительной закупки, на которую сегодня Всеволод Сергеевич совершенно не был настроен. Он подошел к знакомой лавке со вкусами и принялся щепетильно отбирать в мешочек пончики... «Шиза», — подумал вдруг об этом процессе он сам. И, будто устыдившись, взял не глядя, случайным образом, последний пончик и сурово сунул того в мешок.

Подойдя к кассе, Всеволод обрадовался, ибо была она пуста. Он не любил очередей. Но лучше всего было то, что за кассой стояла молодая девушка. Симпатичная. Всеволод Сергеевич всегда любил красивых женщин и, надо сказать, женщины всегда любили его тоже. Но сам себя в последние годы он почитал уже стареющим и неинтересным. «Что может найти такая юная симпатичная девушка в такой развалине, как я», — думал он, но всё же надеялся на какой-нибудь сказочный исход их случайного знакомства.

— Здравствуйте, — приветливо встретила его молодая кассирша.

— Добрый вечер, — как можно более заискивающе, но в рамках правил, ответил Сева.

Она взяла его мешочек в руки и принялась отбивать клавиши на своем аппарате.

— Хорошие пончики, всегда их беру, — ласково бросил Всеволод Сергеевич, надеясь услышать в ответ ее милый голос. И голос ответил:

— Двести двадцать рублей.

Тон ее был хотя и тем же приветливым, но совершенно безразличным. Сева понял, что надежды пали. Для нее он был лишь очередным миллионным покупателем из бесконечной массы посетителей, одного ранга и цвета. Он молча расплатился, схватил мешочек и вышел вон.

На улице встретил его ветерок, слегка сдувший с него мысли о неудаче, случившейся только что. Но он всё равно испытывал на себе неприятное стыдливое чувство, будто прилюдно был опозорен. Из-за сбитых мыслей он решил откусать один пончик прямо сейчас, не дожидаясь дома. Мягкая пышная вкусность, положенная в рот, оказалась еще даже теплой, и это обстоятельство подняло кавалеру его подмоченное настроение.

Дома, уже лежа в постели, Сева вспоминал этот случай на кассе, прокручивая его в голове. Он не обижался, но ему было грустно. Во что превратилась его жизнь!

Бессонница стала его спутником уже много лет назад — казалось, он вечно живет с ней. Поэтому брод мыслей в темноте был ему совершенно привычен. Он ворочался. Думал о том о сём. Обыкновенно, когда поток мыслей становился уж слишком тяжелым, Сева решал переключиться на воспоминания о детстве. Так случилось и на сей раз.

Вспомнил он свой городок, в котором они жили с родителями до переезда. Как же разительно то солнечное место разнилось с этим чудовищем, в котором Всеволод Сергеевич пребывает в наши серые дни. Или это всего лишь отпечаток детства накладывает такие яркие краски. Ведь действительно, — подумал Сева, — все воспоминания о городке Д. связаны у него с летом и теплой солнечной погодой, а воспоминания о жизни в миллионнике — с холодами и серостью.

«И зачем только надо было переезжать», — сетовал Всеволод. Его родители, решив переехать, не спрашивали ни его, ни братьев. Собрались и точка. Переезд состоялся аккуратно после

окончания им старшей школы, после выпуска. Как потом выяснилось, папе предложили лучшую работу здесь, да и каких бы то ни было высших учебных заведений у них не было. Так что — решено. Беда лишь в том, что этот большой город С. был в трёх тысячах вёрст. Родина у нас большая. Словом, взяли всех детей под мышку и съехали, навсегда оставив в памяти тот островок счастья и радости. К новому же миру Всеволод так и не привык.

Новый мегаполис стал для него не только новым местом, но и новым мирозданием. Здесь всё было иным. Серо, уныло, сумрачно. Люди были злы, грубы, невоспитанны. Всё дело в том, что тот городок детства был построен под новую большую энергостанцию, на которую для работы привлекались высококвалифицированные специалисты со всей страны. Такой обряд был в порядке вещей в те далекие времена. Из этого вытекало прежде всего то, что основную массу жителей составляли люди образованные, воспитанные, цивилизованные. А из этого следовало, что и вся детская масса народа была тоже более-менее благовоспитанной.

Разумеется, дети есть дети. Бывало всякое. Бывали в юности и драки, и распри, были и местные хулиганы, бывали даже договорные побоища школа на школу, но всё это было как-то добрее, что ли, натуральнее. После переезда же Сева встретил волну сброда, воспитанного на бандитизме и тюремных повадках. Отбирать деньги здесь было в порядке вещей. Унижения мужского и человеческого достоинства в духе зёковских замашек — тоже. Севины братья были тогда слишком малы и еще только-только пошли в младшую школу, поэтому не восприняли этого; Всеволод же впитал всё это сполна.

День второй

Поутру Всеволода Сергеевича разбудил телефонный звонок.

Телефонный звонок довольно часто, хоть и не всегда, играл для Всеволода роль будильника. Впрочем, такому способу пробуждения он был даже рад, иначе ему приходилось бы превозмогать утренний сон своими собственными силами, а легкое пробуждение никогда не было его добродетелью.

«Бывшая звонит? — задался он сквозь сон. — Нет, вчера звонила... Значит, не она».

Он взял трубку.

— Всеволод Сергеевич? — произнес беглый машинальный голос.

— Да, — еще не вполне отойдя ото сна, ответил он.

— Поздравляем, вам одобрен кредит...

Сева положил трубку.

После недавней смены номера его нечасто беспокоили всякие рекламщики и прочая дрянь. К тому же он имел привычку все подобные номера сразу загонять в черный список. Не изменил он этой традиции и на сей раз.

Он никогда не тратил время на подобные разговоры. Они его утомляли, коробили, и не видел он в них решительно никакого смысла. Да и, признаться, не умел он уже толком разговаривать по телефону. Становился словно другим человеком: отвечал на каком-то автомате, будто выстреливал когда-то заготовленными фразами и выдавал свои шаблонные мысли, не всегда соответствующие ситуации.

Жуя яичницу и запивая ее утренним чаем, Всеволод Сергеевич припомнил вчерашние полуночные воспоминания и подумал в тысячный раз, что хорошо бы, чтоб юность никогда не заканчивалась.

К несчастью для себя, вспомнил он также, что отсидеться дома сегодня не получится: нужно было ехать в город по делу административного толка. Предстояло посетить одно ведомство, отстоять очередь, написать заявление, возможно, выслушать нелицеприятное хамство какого-нибудь серого человека. Последнее представлялось весьма вероятным и вызывало, как раз, наибольшие опасения.

С некоторого времени Всеволод не любил скандалов. Они так утомляют, эти скандалы. Да и вообще, всяческие межличностные распри воспринимал он теперь болезненно, подспудно переживая и по обыкновению еще долго потом перемалывая их в голове.

«А ведь раньше я таким не был, — заметил про себя Сева, — раньше мог в любую ссору влезть. И ничего — только перья летели».

Теперь же он давно про себя отметил, что ожидание действия влияет на него хуже самого действия. Наконец, время пришло, и он отправился в путь, который лежал через трамвай и метро. Из его района ходил один-единственный маршрут, новенький трамвай, и ожидание его всегда было весьма скорым. Запрыгнув в подоспевший вагон, Всеволод устался в окно. Когда смотришь в окно, то пребываешь одновременно в трёх мирах: находишься в одном, наблюдаешь за вторым, и пытаешься постичь третий.

Являя собой чистейший пример этого принципа, Всеволод Сергеевич прилип к стеклу, быть может, и созерцая что-то, но мыслями явно будучи где-то далеко.

«Когда я стал таким заторможенным? — сетовал Всеволод. — Почему разговоры с посторонними вызывают теперь такие трудности?» Психологи уверяют, что причина проблемы всегда сидит где-то в прошлом, зарывшись как крот, и ежели хочешь её решить, то тебе нужно схватить этого крота за хвост. В себе ему больше всего не нравилось то, что он не умел больше живо реагировать на нападки окружающих, часто вызывающие в нем ступор.

«Почему так?.. Где же эта причина в прошлом?..» И действительно ли причина всегда просто в прошлом? Философия эта казалась ему неоднозначной, потому как слишком уж в этой сфере всё широко, и на вряд ли можно отыскать какой-то универсальный закон. Если, положим, ты автогонщик, и на трассе у тебя случился прокол, сто́ит ли искать причину этой ситуации? Сто́ит ли винить некачественную покрышку? Сто́ит ли искать тот острый камень, вызвавший прокол? А если даже ты найдёшь этот камень, то что с того?.. Или, несмотря на все эти камни и плохие покрышки, ты просто соберёшься и начнёшь решать сию задачку, начнёшь просто менять покрышку, чтобы продолжить свой путь...

И хотя Всеволод не был до конца уверен в психологических теориях, он решил-таки покопаться в своем прошлом. Но как это сделать, как найти то самое событие, тот острый камень на трассе — событий же миллион?.. Припомнился ему один случай.

Когда они учились в старших классах, то на одном общественном собрании, когда он должен был выйти на сцену и подарить букет учительнице, один хулиган по фамилии Коновал незаметно навтыкал ему на спину, под шиворот пиджака, травы и веток, а когда Сева вышел на сцену — случился конфуз. Весь зал увидел его зашиворочный веник и рассмеялся. Смех стоял громовой. И хотя его учительница постаралась перевести всё в шутку, но позор был страшный. Но самое противное, что Сева, возвращаясь на свое место в зале, видел рожи этих хулиганов, заливающихся пуще прочих, упивающихся своей удачной издёвкой, — и ничего не сделал.

«Вот бы сразу дать ему по роже стулом», — упрекал себя Сева. Что бы тогда было — ужас. Наверняка бы последовали дисциплинарные последствия, возможно даже суровые. Ну и что, — думал Сева, — всё лучше, чем потом всю жизнь тянуть лямку обид. Но в то время ему исполнить такде было сложно, почти невозможно. Было бы боязно, страшно, да и, откровенно говоря, чертовски жутко.

Трамвай прозвенел свою конечную остановку, и Всеволод Сергеевич нырнул в метро.

Добравшись до места, он вышел к неизведанному зданию ведомства, как подходит маленький муравей к большой горе. Войдя и не сразу отыскав нужное окошко, он занял очередь. В общественной очереди можно воочию увидеть дно человеческого мироощущения. Все напряженные, суровые, недовольные. Здесь можно увидеть всё уродство современного социума: капризные мужчинки с шампунь-бородкой и избалованные женщины-терминаторы. Особо не повезло городским женщинам. Их грудь стала не предметом женской красоты, а стенобитным орудием, пробивающим себе все преграды. Теперь это были не женщины в природном смысле этого слова, теперь это были существа с внешностью носорога и душой крокодила, готовые всех съесть, а все их лица, обыкновенно, напоминали смятую картошку.

Подошла очередь. Сева подскочил к окошку и сунул заполненный бланк. Увы. Сидевшая по ту сторону бегемотиха без шеи, с глазами в виде двух таблеток угля и толстыми пальцами-сардельками, безучастно сообщила, что его заявления в базе нет, и отправила Всеволода восвояси. Он недоуменно, но безнадежно повозмущался и побрел обратно. Делать нечего. Сева был зол, но чем дальше, тем он больше злился на самого себя. Сетовал уже, что не устроил скандал — не хватило духу.

Полдня потратил он впустую. «Потратил...» Почему мы говорим «потратил»?.. Как будто время — это какая-то вещь, мешок монет. Разве время не достойно того, чтобы его чтили и уважали? Разве не время есть великая тайна жизни? Разве не его сто́ит изучать так же, как мы изучаем новые технологии? Быть может, не высокие технологии, а законы времени способны изменить жизнь человека?.. Подобные вопросы, бывало, витали в голове Всеволода Сергеевича.

Когда он стал «Всеволодом Сергеевичем»? Когда перестал быть просто «Севой»? В какой момент? Нынче все зовут его по имени-отчеству, кроме, пожалуй, бывшей жены и сыновей — да и те зовут просто «пап». В какой-то момент мы перестаём быть собой со своим именем,

а превращаемся в «папу Сони» и «маму Егора». Севино имя исчезло куда-то — вдруг и незаметно. Неуловимо утекло, как утекает время сквозь пальцы. Время...

Вернувшись под вечер домой, он, и без того вымотанный поездкой, засел за рабочий компьютер разгрести кое-какие дела. Но не мог он сегодня даже видеть этот виноватый во всех грехах монитор. Внутри что-то разрывало.

Покончив-таки с самым необходимым, он вышел пройтись перед сном. На этот раз точкой своего назначения избрав местный парк... На улице было по-прежнему безснежно и по-прежнему морозно, но шел какой-то морозящий дождик. От дождика становилось еще неуютней, как будто по лицу хлестал морской северный мокрый ветер. Прогулка по парку не принесла никакого душевного облегчения, и убитый этим днем человек возвратился несолоно хлебавши. Обычно прогулки хоть как-то успокаивают его душу; сегодня же, казалось, кроме усталости, Всеволод не принес с улицы ничего. Впрочем, была надежда, что усталость избавит Севу хотя бы от бессонницы.

Бессонница — страшный зверь. Она вгрызается в сознание и треплет еще живую жертву до изнеможения, а изнеможение всё не приходит и не приходит. Мириады мыслей начинают вертеться по голове как смерч, ни одна не задерживаясь надолго. Вот он перемалывает случай в ведомстве, а вот уже воспоминания о неудавшейся прогулке...

Почему он такой несчастливек? ему следует быть смелее. Хотя нет, Сева твердо знал, что дело тут не в смелости. Если было нужно — смелости в нем хоть отбавляй. Тут что-то другое. В нужный момент он почему-то превращается в статую, из которой выскакивают все мысли и слова, а заскакивают обратно, когда уже поздно. Хорошая мысль приходит опосля — это точно про него.

Припомнил Всеволод один случай в молодости.

У него когда-то был друг — Тёма Соболев. В последних классах классным руководителем им назначили Александра Александровича Погорина, которого совершенно все называли просто Сан Санычем, человека в целом положительного, но взбалмошного и своенравного. Наверное, мало кто знал истинную причину такой своенравности, а Всеволод знал; и, как позже оказалось, Тёма Соболев тоже знал.

Дело в том, что некоторое время до этого отец Севы работал в их школе, причем немалым начальником. И как раз от отца-то мальчик и узнал однажды, что Погорин после войны попадал в психиатрическую больницу. Его действительно успешно восстановили и отправили восвояси. Однако, хотя ничего плохого в этом нет и нервишки подлечить многих военных отправляли, но вся штука была в том, что в психиатрических лечебницах с учёта не снимают. Человек Сан Саныч был неплохой, да и преподаватель отменный, дело своё знал — но факт есть факт. На работу Погорина принимал Севин отец — тогда-то ему и стало известно об этой неловкой накладке в биографии. Само по себе работать с отметкой о пребывании на учете в психоведомстве не нарушение. Сан Саныча всяко проверили, да и его профессиональные качества были выше всяческих похвал — работник он ценный. На работу его приняли. Знали же обо всём далеко не многие.

Но произошло следующее.

Как-то раз вышел у Тёмы Соболева с Сан Санычем Погориним конфликт. Причем конфликт знатный. Дело было громкое. Начались разбирательства. В те времена в школах была отменная дисциплина, не то что в нынешних. Соболева попросили написать объяснительную, а тот возьми да и ляпни меж строк, что Погорин, дескать, состоит на учете в психушке. От класса в таких делах выступал староста. Старостой у них в то время был парень Дима, застывший, к слову, в старосты после Севы.

Помнится, у самого Севы был тогда непростой период, уж не помнится, с чем связанный, но висела над ним тоже какая-то гильотина. И вот, когда дело самого Севы, по всей вероятности, начинало сходиться на нет, хотя и не было решено полностью — они встретились со

старостой Димой, дабы обсудить детали. И тут произошла мелочь, которая великой занозой вопьется в душу Всеволоду и будет потом мучать его всю оставшуюся жизнь.

Между делом, в разговоре, Дима вспомнил о проблеме Тёмы Соболева с Сан Санычем. Рассказал, что тот написал в объяснительной, что Сан Саныч в психушке на учете состоит. «Но это же неправда, — сердился староста. — Это клевета».

«Нет, это правда. Мне тоже об этом известно», — хотел было возразить Сева, но почему-то не стал.

Промолчал. То ли его так сильно тревожила пока еще не решившаяся проблема своя, и он не хотел нестати перечить Диме, то ли не посчитал эту деталь существенной — но промолчал.

«Хотя как “несущественной”?» — думал теперь Всеволод Сергеевич: всем известно, что за такую клевету отчисляют.

И отчислили.

Севино дело потом разрешилось, и он продолжил учиться дальше. А вот Тёмы не стало. Больше Сева его никогда не видел.

«Отчего я не вступился за него тогда? — всё корил себя Всеволод Сергеевич. — Отчего не сказал тех коротких слов, ведь они уже висели на самом краешке языка, готовые слететь?..»

Всё дело в том, что если бы такой уважаемый в классе человек, как Всеволод Корсак, указал старосте на этот факт, староста бы всенепременно передал это в управление, а оно, почти наверняка, учитывая обстоятельства, отменило бы решение об отчислении Артёма.

Эх, если бы снова пережить тот момент... Но увы. Таково время.

День третий

На утро Всеволод проснулся сам.

Проделав все необходимые утренние человеческие ритуалы, он принялся за работу. Слитый в унитаз вчерашний день добавил трудовых хлопот.

Всю свою жизнь Всеволод Сергеевич работал на нелюбимых работах. В юности он мечтал о карьере и баснословных заработках. Ему было всё равно, кем работать, лишь бы оно приносило хорошие деньги. Продажником так продажником, посредником так посредником... Ему даже удалось в какой-то момент действительно заработать внушительную сумму.

Вот только чем дальше, тем глубже он начинал чувствовать, что проваливается в чёрную бездну. Деньги не приносят счастья. Чем больше зарабатываешь, тем пуще жаждешь заработать больше, ещё больше и больше, до бесконечности. И конца и края этому нет. Замкнутый круг. Становишься рабом. Рабом заработка. Ты не контролируешь более свои мысли и чувства — отныне они полностью подчинены заработку. Деньги и мания заработать стали мантией, которая с головой накрывает тебя и навсегда закрывает путь к воле и счастью души.

И тем не менее, в какой-то момент Всеволод Сергеевич начал искать работы, которые бы хоть как-то соответствовали его нутру. Но здесь поджидала новая неудача. Чего-то действительно по душе найти ему не удавалось, а компромисс всегда выходил не в его пользу. В конце концов, он устроился работать программистом, тем более что профессию эту хорошо знал и понимал её. Ещё с юности, когда был передовым студентом по информатике.

Несмотря на это, надо признать, программирование не было делом его души. Со временем работа ему наскучила и превратилась в рутину. Но было в ней одно светлое пятно: то, что позволяло не сойти с ума от однообразия и скуки. Дело в том, что это была такая профессия, в которой постановка задачи не определяла конкретного пути решения. А конечный успех никогда не был определён и гарантирован. Всеволоду нравилось искать в своём уме такие отгадки, такие пути и закоулки, такие ключики от скрытых шкатулок, которые бы приводили ко взятию бастиона, а взятие бастиона дарило ощущение удовлетворения и какой-никакой собственной значимости. Не этого ли ищет каждый мужчина?

Зазвонил телефон.

Звонил начальник. На работе случилось какое-то ЧП: серверы перегружались, а большая часть трафика шла почему-то именно через Севин компьютер. Просил разобраться... Всеволод уселся за свой ПК и принялся за поиски. Обычно в первую минуту любая вновь возникающая рабочая проблема всегда вызывала в нем обострённое чувство тревоги. Он начинал переживать и тревожиться. Но, приступая к поиску решения, неизменно успокаивался. Решение рано или поздно находилось, а успех от покорения горы неизменно радовал.

Потратив несколько часов на поиски, он выяснил-таки причину, исправил и, испытав свою сегодняшнюю порцию удовлетворения, откинулся в своём кресле и вновь встретился с приятелем-потолком.

«И всё-таки, — думал Сева, — работу нужно менять». Просидеть всю оставшуюся жизнь, набивая унылые символы и скобки, было не для него. Он опять замечтался о деле своей мечты. «Почему у других есть, а у него нет? — сетовал Всеволод, — Почему у других получилось, а у него нет?». Ведь он прочитал тонны книжек на тему успеха, личного счастья, самореализации и прочей шелухи и знал всю эту подноготную назубок. Казалось, он и сам бы мог теперь преподавать и давать такие уроки. Увы, в реальной жизни всё это не работало так, как написано в книжках. И жизнь ставила совершенно иные задачи, пути решения которых Сева найти никак не мог.

Раздался новый звонок. Это звонил младший сын. Ему для института потребовалось какое-то заявление, заполненное родителем и отправленное на электронку деканата.

Всеволод Сергеевич, как любой отец, любил своих детей. У него их двое: парень и ещё один парень. Младший заканчивал институт и жил в студенческой общаге, а старший уже год как кончил и работал в какой-то фирме: в какой — Сева и сам не знал. Ни с тем, ни с другим они не были особо близки. Хотя это обстоятельство, бесспорно, ранило душу отца, пусть он к этому уже и привык.

Младший был помягче характером, веселее и бодрее, и с отцом более разговорчив. Старший же был суровее.

Как описать их отношения со старшим сыном? Не холодные, нет, и даже не прохладные, скорее — просто чужие. Они не были ни друзьями, ни врагами; были словно посторонние друг другу. Хотя сын никогда не отказывал в Севиных просьбах, всегда помогал и приходил на помощь, но никакой особой теплоты у них никогда не было. Когда они вместе ехали в машине, то сын вечно молчал, а Всеволод вечно болтал без умолку. Ему было всё равно, что сын молчит, он был рад самой возможности пообщаться с сыном, пускай и таким односторонним образом.

Когда дети выросли, с их матерью, Викторией, они разошлись.

У Всеволода всегда были хорошие отношения с женщинами — те его любили. И не знал он толком — за что. Красавцем Сева себя не считал никогда. Не плох, но не более. А вот фигура была, пожалуй, отменной, атлетичной. Когда он в студенчестве занялся качалкой, его пригодное к тому от природы тело живо налилось соком: красивыми натуральными мужскими формами. Даже сейчас, когда Всеволод не посещает качалку уже битую вечность, фигура у него отменная, не хуже, чем у юноши.

Ответить на вопрос, почему Севу любили женщины, непросто. Но, пожалуй, одно обстоятельство могло сыграть здесь роль. У Всеволода был и сильный, и тонкий характер. Волевой, целеустремленный и упертый, настоящий лидер, душа компании, всегда знал, что сказать, был умен, воспитан, остроумен. Но с другой стороны, в душе он был натурой чувственной и с женщинами нежен. Такой сплав невозможно не любить. Он тонко чувствовал женскую душу и любил её. Никогда он не обходился с женщинами дурно, всегда ценил их и восторгался их природной красотой.

Хотя, пожалуй, нет. Один неприятный случай всё же отыскать было можно. В старших классах они сошлись с одной девочкой, Катей Новосельцевой. Сошлись не сразу. Сева давно ее заприметил. Выражение «положил глаз» не подходило к Севе, и сам он считал оное грубым и вульгарным. Женщину он всегда любил нежно, пламенно, увлеченно; женщина для него — богиня, красота.

Катя держалась достойно, не сразу она приняла Севины ухаживания, но, в конце концов, сдалась. Всем было видно, что его тянет к ней, а её — к нему. У них завязался роман. Их отношения были естественны и хороши, будто в игре тетрис правильно совпали фигуры. Со стороны казалось, что судьба их ясна.

Однако в какой-то момент, ни с того ни с сего, мальчик почему-то начал отстраняться от неё. Причину такого отстранения Сева не помнит теперь и сам. А он таки ее бросил. Бросил грубо, не сказав ни слова, просто исчез из её жизни.

То ли разонравилась, то ли что — никто ничего не знал, и никто ничего не понял... Почему он так с ней поступил, Всеволод не мог ответить, не помнил. Помнил только, будто что-то в ней его не устроило, что ли.

«Даже если и разонравилась, — упрекал себя Сева, — нельзя же было бросать её вот так».

С другой стороны, не мог он припомнить, что же ему могло в ней не понравиться и отчего-таки она могла разонравиться. Катя, совершенно точно, была девочкой очень красивой: её красота была нежной, молочной, у неё была отменная девичья фигура: фигура как у молодой горной козочки. Всё то, что и любит Сева. К тому же, она очень воспитана, добра, нежна, женственна, а характер для него был, пожалуй что, поважнее всякой внешней красоты.

«Почему, почему, почему? Что, что, что?..» — мучился воспоминаниями Всеволод.

Была у него, правда, в то время одна слабость, и она, возможно, могла бы стать ключом к отгадке. Хотя и не сильно, но был он тогда малость подвержен влиянию чужих мнений. Девушка могла быть для него тогда как атрибут имиджа... Может быть, и нет, но если это так, то от осознания одного у Всеволода сильнее щемило сердце.

Как бы то ни было, а всё уже в прошлом. Как слышал Сева, у Кати теперь семья и дети, правда, сколько — он не знал. Но она, кажется, довольно поздно вышла замуж и родила довольно поздно.

Трудовой день был кончен.

Рабочая неделя мало-помалу, черепашным ходом ползла в сторону выходных. К оним Всеволод завсегда испытывал чувства смешанные. С одной стороны, как любой пятидневный раб, выходных он ждал и жаждал. Но, наверное, это скорее была выработанная годами привычка. Привычка, надрессированная социумом. Однако с другой стороны, безделье его портило, расхолаживало, превращало в амёбу. Душой начинали овладевать тяжесть и угрюмость, которой и без того было с избытком в его жизни... Чем может занять человека большой город? Пожалуй, всё, что предлагает человеку мегаполис, отравляет человеческое существо, портит его природу, растлевает душу. Фонтан развлечений, завязанный на потреблении и трате денег. А где же душа? Душа и большой город, к сожалению, понятия противоположные. Сева это видел, тонко чувствовал и знал определённо. Одним словом, бездельничать ему было никак нельзя, а занять себя чем-то стоящим в условиях токсичного миллионника он не мог.

По традиции, он решил прогуляться перед сном.

На улице выпал первый снежок. Еще легкий и слабый, а местами и вовсе растаявший, снег добавил общей картине угрюмого города несколько белых штрихов. Погода стояла тихая и мирная.

Всеволод любил порядок, но зачастую уставал и от него, давая возможность спонтанности взять верх. Так он решил поступить и сегодня, не выбирая заранее никакого маршрута своей вылазки, а определив двигаться наугад.

Нынче он побрёл куда глаза глядят. Воздух был таким, что казалось, будто вот-вот всё изменится, придёт что-то хорошее, постучит в твою дверь и войдёт. Однако ж, и Всеволод это уже знал по опыту, надежда — опасная штука. Она может забрать твою душу, ослабить и, когда ты станешь достаточно слаб, растоптать...

И тем не менее, настроение было хорошим. Всеволод ценил такие моменты. Хорошее настроение — это такая ценность, которую не купишь за золото. Вечер давным-давно вступил в свои права, поздняя осень сделала небо чёрным, а свет от фар и от окон весело играл в отражении сырого асфальта.

Нынче Сева гулял долго. Вероятно, слишком долго, потому как почувствовал легкий туман в голове. Наверное, от усталости. Люди с сидячим образом жизни быстро устают. Он решил присесть у ближайшей автобусной остановки.

Автобусная остановка, оснащённая стеклянными стенами, была почти пуста, лишь в углу сидел какой-то старик. Всеволод подошёл и сел на другой стороне. Он не любил людей.

Когда Сева начал не любить людей? Наверное, не так уж и давно. В юности он был компанейским. «Компанейский» — это слово любил его папа. Они были похожи, пожалуй. Во всяком случае, в их отношении к женщинам они точно были сродни.

Севиных родителей уже не было в этом мире. Мама ушла совсем недавно, а вот отец... давным-давно. Они с родителями не были особенно близки. Но только теперь, будучи сам отцом, он прочувствовал, как это больно, когда твоё дитя холодно с тобой. А Всеволод был холоден с родителями. Он винил их за переезд из солнечного городка Д. в серый город С., винил в том, что они, как ему казалось, испортили этим ему жизнь; винил даже в том, что те

тратили всё своё время и силы на младших братьев. Глупо, эгоистично. Сева довольно рано от всех них отстранился. Резко сошёлся с Викторией, резко обзавёлся детьми, и жизнь с семьёй стремительно унесла его на десятилетия. А когда безумная гонка с жизнью замедлилась, папы и мамы уже не было. Не было кому сказать: «Привет, мам, как дела?», «Пап, я заеду к тебе завтра?»

— Вы не подскажете, который час? — спросил старик с остановки, сидевший на другом краю лавки.

Всеволод рефлекторно дёрнулся было к карману, но вспомнил, что телефона с собой не взял. Он не любил телефонов. Те напоминали ему о зомбированности современного общества. Поэтому при возможности не брал «трубку» с собой. А возможность эта, как показала жизнь, в действительности появлялась куда чаще, чем думалось. И такая независимость от телефона позволяла Севе чувствовать себя чуточку вольнее, не таким, как все, не из серой массы.

— Простите, у меня нет телефона, — ответил он, но, уловив, что несколько оговорился, поправился: — я не взял его с собой.

— И я не ношу телефон, — ответил старик, — они забирают у тебя время.

Всеволод не совсем понял, но спинным мозгом почуял, что с этими словами старца он согласен. Ему захотелось рассмотреть собеседника получше. Неуверенное в своих взглядах городское освещение, смешанное с отражением от мокрого асфальта, бросало на остановку свет весьма сомнительный, доверять которому не следовало. И тем не менее, Сева присмотрелся. Свет вместе с бликами давал обзор неявный, и померещилось даже, будто старик тот и не старик вовсе — скорее слегка преклонных или даже средних лет человек. Но почему-то глаза старца наш герой ухватил. То были добрые, улыбающиеся щенячьи глаза. Только вот говорил собеседник откровенно по-старчески, голос был медленный, с легкой хрипотцой — видимо, всё-таки старик.

— Особенно эти смартфоны... Как по мне, так это не умные, а тупые телефоны, — бросил дед.

Всеволод усмехнулся. Все уже и позабыли, а многие и не знали вовсе, что «смартфон» переводится ведь как «умный телефон»... И с этими словами деда он тоже был совершенно согласен. Вообще, Сева всегда, пожалуй, был не прочь поболтать с хорошими людьми, только вот выпадала такая возможность редко.

— У меня не смартфон — обычная звонилка.

— О-о... звонилка? — удивился старик, — Ну... это хорошо. Звонилку даже потерять не жалко.

И собеседник улыбнулся глазами.

— Да... чего жалеть-то, — отмахнулся Всеволод, вероятно, на автомате. Наверное, это и была одна из его шаблонных фраз-заготовок. Он подловил себя на этом и смолк.

Старик справился об имени своего собеседника.

— Ты никогда ни о чем не жалеешь, Всеволод?

Спросив это, дедушка вопросительно уставился своим щенячьим взглядом.

— Как не жалеть... Я много о чем жалею, — взгрустнул Всеволод, хотя ему не хотелось уходить в печальные воспоминания при постороннем человеке, но он отчего-то продолжил: — Знаете, живешь себе живешь, а потом вдруг раз... и понимаешь, что зря обидел кого-то... хорошего человека... Или поступил неправильно... Ну, что поделаешь. Наши ошибки навсегда останутся с нами.

Севина фраза могла прозвучать пафосно или шаблонно, но он на самом деле так и думал. Сева совершенно теперь отказался от светской беседы, отдавшись во власть философского настроения. Он любил философское настроение и чувствовал себя в нем ничуть не хуже, чем в светском. Быть может, даже лучше.

Старик долго сидел, так и уставившись во Всеволода своим щенячьим взглядом, будто проверяя его. И наконец спросил:

— Тебе никогда не хотелось всё исправить?

Странный вопрос. Севе он показался даже несколько беспощадным: «Как можно спрашивать такие безжалостные вещи? Конечно, хотел бы. Но это невозможно, да и жестоко терзать чужую рану».

Подождал автобус. Старик подскочил как ни в чём не бывало.

— О! Всеволод, мне пора... Приятно было поболтать... Увидимся.

Он протянул Севе свою мягкую руку и снова на мгновение уставился на него. Они пожали руки, и старик исчез.

«Увидимся, — передёрнул Сева. — Избитая фраза, которая имеет смысл, но в которую люди смысла не вкладывают. Мы ведь не увидимся. Зачем тогда так говорить?» Ему припомнился старый фильм, где герой недоумевал, зачем американцы постоянно повторяют одну и ту же фразу: «Как дела?», притом что, как сейчас твои дела, им на самом деле совершенно не интересно.

Домой Всеволод брел спокойным, размеренным шагом. На душе стало печально-радостно, а настроение было глубоким. Такое бывает, когда грустное чувство смешивается со счастливым. В такие минуты, случавшиеся, по правде сказать, довольно редко, у Севы было такое состояние, будто пробежал он три изнурительных и бесконечно длинных круга вокруг своей школы и, выдохшийся и опустошенный, напрочь лишенный всяческих сил, достиг-таки финиша. И в этот момент он, пустой и чистый, словно глотал свежий воздух, словно открывался Создателю, стоял перед ним во всём своём неподдельном естестве.

Как бы то ни было, Сева был рад такой случайной душевной беседе.

«Какой хороший человек», — думал он.

В возвышенном настроении Сева всегда был категоричным в оценках людей — все они были хорошими для него. Когда он пребывал в таком глубоком нежном настроении, он любил, казалось, всех людей. Он любил, казалось, весь мир. Мысли становились плавными и светлыми, как осенний листок бабьего лета, плавающий в безмятежной луже.

«Даже если, — думал Всеволод, — моя жизнь серая и безпросветная, а 99 дней из 100 тяжелые, то оставшийся один счастливый день стоит того, чтобы жить...»

Почему-то в такие минуты любая новая мысль вызывала в нем необъяснимое счастье и встречалась им с широкими объятиями. Вот и теперь ему подумалось, что завтра будет интересный день. И это его порадовало.

«Завтра выплюсь хорошенько».

На удивление, но сегодня не мучила бессонница. Наконец-то! Уснул он довольно скоро. Предсонные мысли были весьма мягки и неназойливы, будто старые товарищи, с которыми он общался и отправился в царство Велеса.

Если бы Всеволод Сергеевич Корсак только знал, что ждёт его завтра...

Сбитая ступенька

Утром Сева сладко проснулся, довольно живо отойдя от не менее сладкого сна. Проснулся и, по обыкновению, поглядел на потолок. И... о ужас! Он увидел там то, что отныне разделило его жизнь на «до» и «после».

На потолке висела люстра. Но это была не его люстра. Свою минималистичную люстру он знал как облупленную, выучив за все эти годы каждую её чётточку и пылинку. Здесь же была решительно другая люстра. Высокая ретро-люстра светло-янтарного цвета с коричневым ободком, напоминающая изящный перевернутый гриб. В голове мелькнуло странное ностальгическое чувство. Надеясь избавиться от наваждения, Всеволод с силой закрыл глаза, веря, что от силы что-то зависит. Открыл глаза. Ничего не изменилось. Всё тот же перевернутый янтарный ретро-гриб и чужая комната.

Не может быть!

«Я что, умер?», — подумал Всеволод, и его начала охватывать паника. Паника в итоге овладела им совершенно: пульс зашкаливал, сердце билось так, будто он не только что проснулся, а пробежал версту¹ вокруг школы; «школы» — прозвенело где-то в далёком отголоске сознания; пот лил как из ведра, словно на дворе экватор... На счастье, время делало своё дело, мало-помалу его отпустило, и он начал соображать.

«Я в чужой квартире, что ли?» — никак не мог придумать объяснение потерявшийся молодой человек.

Как его могло угораздить оказаться в чужой квартире? Такое могло бы ещё случиться с молодым пьющим гулякой после дьявольского ночного клуба, но не с ним: человеком, вот уже как два десятка лет совершенно отказавшимся от спиртного. Нет, тут что-то другое.

«Нет, я, наверное, всё-таки умер».

Но чтобы не давать панике второго шанса, Сева начал гадать: как понять, живой ты или нет. Он принялся пробовать всё, о чём хоть где-нибудь, хоть когда-нибудь, хоть что-нибудь слышал.

«Ущипнуть, — придумала первая идея, — нет, это вроде ото сна... Ладно, сейчас не до тонкостей».

Сева вскочил и принялся щипать себя до изнеможения — было действительно больно. Во всяком случае, эта боль никак не отличалась от привычной ему живой боли. Затем он начал мотать головой, шлёпать себя по лицу, хлестать ладонями по плечу, да так, что плечо покраснело. От всех этих усилий он даже слегка запыхался. Нет, он точно не умер.

Тогда что? Он сидел в изумлении и недоумении. Щиплющая от таких многочисленных шлепков боль плеча обратила на себя внимание, и Сева безсознательно на него взглянул, взглянул на плечо. Но то, что он там увидел, напрочь выбило мысли о боли.

Он увидел своё плечо, но плечо было не обычным. Оно было тоньше и как будто... моложе. Сева взглянул на свои руки... Боги! Его руки гладкие и — точно, как будто бы молодые. Что за чёрт?

И тут те самые ностальгические дальние отголоски сознания, что мелькнули в его голове ранее, начали подбираться ближе. Он начал осматривать комнату.

«Что это такое?»

Всё здесь... не чужое. Всё будто знакомое... Светлые обои с бледно-зеленым орнаментом, прозрачные занавески, коричневый письменный стол. А на столе он увидел вещь, которая намекнула на отгадку, но в отгадку эту поверить в здравом уме было решительно невозможно.

¹ Верста — мера длины, немного более 1 км.

Этим предметом оказалась оранжевая ученическая лампа на ножке, точно такая же, какая была у него, когда он сам учился в школе. Сева отлично её помнил. Точно такая же лампа. А может быть... та же самая?..

«Не может быть!» — в изумлении кричал ум.

Точно — это та же самая лампа и есть! На ней даже была расплавленная жвачка, которую в детстве Сева прилепил ко включенной лампе, желая проверить, что выйдет.

Он стал осматривать комнату, подталкиваемый свежей догадкой. Занавески. Да, это те самые грубые занавески; тот же самый бронзовый карниз, держащий те же самые желто-зеленые шторы теми же самыми зубастыми крючками-крокодильчиками.

Всеволод никак не решался сказать себе то, что подсказывало ему его нутро.

«Я что?.. у себя дома?... В прошлом?..»

Да: кровать, шкаф, ковёр на стене... Это всё оно... Родное!

«Как такое возможно?» — захотелось хлестануть себя по щекам, но это мы, кажется, проходили.

Он сидел на кровати в комнате своего детства и юности, и не мог поверить.

Сева взглянул на шкаф, на их небольшой рыжий шкаф. Раньше были крайне распространены всякого рода шкафы: на ножках, без, серые, рыжие, с полками и ящиками, но непременно с большой стеклянной секцией посередине, и двумя, — верхним и нижним, — рядами дверок, и всегда лоснящиеся лаком. Бывали и небольшие, как в этой комнате, бывали и огромные, во всю стену, оттого и прозванные в народе «стенкой». И были они обязательно в каждом доме.

Обе верхние дверцы его шкафа обклеены наклейками от жевачек: «Турбо», «Ловис», «Черепашки-ниндзя»... ниндзя»... Сева это прекрасно помнил: в детстве он где-то такое увидел и ему непременно захотелось у себя тоже обклеить весь шкаф наклейками.

Он не верил своим глазам, не верил!

Но чем дольше он сидел, чем больше осматривался, тем всё живее и неутомимее в дверь его разума стучалась она — мысль, которую он, наконец, решился себе произнести:

— Я у себя дома и я... в прошлом!

Трудно описать, какой наплыв чувств он теперь испытал. Казалось, весь мировой океан собрал всю свою светлую энергию и выплеснул на Севу могучую волну радости, восторга, блаженства, ликования, воодушевления, восхищения и счастья. Он глядел на комнату своего счастья. Закрыв лицо руками: то ли от слёз, то ли чтоб еще раз удостовериться, что всё это — наяву.

Всё наяву!

В воздухе витал запах, который Сева, конечно же, узнал. Запах детства. Каждый из нас знает такой запах. Но не каждому выпадает вдохнуть его еще раз вживую. Молодой человек вдыхал и вдыхал этот вкусный запах, никак не имея возможности надышаться им вдоволь.

Он соскочил с кровати. В комнату лился солнечный свет. Ему захотелось взглянуть в окно. Он как сумасшедший бросился к нему. Из окна его второго этажа Севу встретил, как и ожидалось, его детский садик «Ласточка», куда он ходил, будучи ребенком. В будущем у садика этого стал несколько иной облик, сейчас же он предстал перед взором во всем своем тогдашнем великолепии, приправленном Севиным ощущением блаженства. Выкрашенный в розовый цвет, с ласточками во всю стену, а у входа стояла лавка на огромных ножках-горшках, обитых веселыми разноцветными рейками. Форточка его окна была открыта, и с улицы до юноши донесся свежий запах свободы. Разве возможно надышаться запахами детства, свободы и счастья? Он снова глубоко вдохнул.

Сева обернулся и... даже присел от неожиданности, увидев следующую деликатную картину. Дверь была приоткрыта, и из неё выглядывали три с половиной глаза. Его младшие братья-близнецы. Совсем еще карапузы. Лица их круглые, а майки полосаты. Один стоял и держался за дверь, второй — нерешительно выглядывал.

«Сколько они тут стоят?» — задался Сева.

Как долго стоят и чего успели увидеть? Видели ли Севины шлепки, щипки, неугомонные выдыхания воздуха? Те двое стояли и глядели так, будто вместо привычной картошки мама подала им неожиданное и неожиданное блюдо.

— Сева, ты себя хорошо чувствуешь? — медленно пропищал своим лепестковым голоском близнец.

«Значит, видели всё, сорванцы». Старший брат готов был внутренне рассмеяться, но сдержался. А потом, легко и свободно, двусмысленно заключил:

— Да, малец, теперь у меня всё хорошо!

Близнецы еще немного постояли в смущении, похлопали своими огромными глазами и шатко скрылись.

И Сева рассмеялся. Рассмеялся и от комичности ситуации, но самое главное — это нашло выход его внутреннее счастье, радость и весь наплыв внутренних чувств. Сердце отрадно торжествовало, а душа задорно пела.

«Значит, я отныне в прошлом?!» — еще разок, наверное, дабы подпитать своё новое неуёмное счастье, выдохнул Всеволод.

Наконец-то он мог вздохнуть легко.

«А сколько мне нынче лет?»

Последний вопрос оказался действительно хорош. Сева задумался.

«Так, малышне было на вид лет пять-шесть... Значится мне должно быть лет восемнадцать!»

Да, не зная и не понимая каким образом, почему, зачем и как, но Всеволод понял: был он сейчас в своем солнечном городе детства, ему восемнадцать, и он — в прошлом!..

* * *

С братьями-близнецами у Севы разница в возрасте бы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.